

Советско-югославские отношения в конце 1960-х — начале 1970-х годов и визит Й. Броза Тито в Москву (5–10 июня 1972 г.)

В 1968 г. интервенция стран Варшавского договора в Чехословакию стала причиной третьего по счету советско-югославского конфликта. В Югославии ее восприняли как грубое и немотивированное вмешательство в дела независимого государства. В СССР заявили, что Югославия «солидаризируется с антисоциалистическими силами» и что там развернута «анти-советская кампания»¹. Стороны обменялись резкими посланиями², в политических и межпартийных отношениях наметилась стагнация.

Интервенция вызвала у югославов чувство угрозы национальному суверенитету. Военные маневры сил Организации Варшавского договора (ОВД), неоднократно проводившиеся в 1968–1969 гг. у югославских границ, например, в Болгарии³, и присутствие советского флота в Средиземном море⁴ убеждали югославских руководителей, что угроза со стороны стран социалистического лагеря как минимум не меньше той, что исходит от Запада. Подобные страхи воплощала в себе так называемая «доктрина ограниченного суверенитета» или «доктрина Брежнева» — термины, которые использовались на Западе (и в югославских СМИ) для характеристики советской внешней политики в 1970–1980-е годы.

Уже весной 1969 г. стороны предприняли активные действия, направленные на преодоление создавшейся ситуации. Для Югославии это было, прежде всего, вопросом национальной безопасности. Также беспокойство вызывала возможность расторжения заключенных ранее торговых и кредитных соглашений и прекращения военного сотрудничества⁵.

Внешняя политика СССР во многом также определялась последствиями «Пражской весны» и интервенции в Чехословакию, которые стали ударом по авторитету Советского Союза и привлекательности социалистической идеологии в мире. Важнейшей целью Москвы было теперь усиление своих позиций в Центральной и Юго-Восточной Европе и в целом в коммунистическом движении.

Одновременно существовала необходимость стабилизировать отношения с Западом. Основопологающей частью начинавшейся политики разрядки международной напряженности, провозглашенной на XXIV съезде КПСС в так называемой «Программе мира»⁶ (апрель 1971 г.), стали усилия, направленные на улучшение ситуации в Европе и разрешение Германского вопроса.

Также опасения советского руководства вызывала угроза перерастания конфликта с Китаем в полномасштабную войну, возможность продвижения его влияния на Балканы и создания там неформального союза КНР, Албании, Румынии и Югославии. Вероятность такой коалиции представлялась сомнительной⁷, однако налицо было потепление отношений между Белградом и Пекином после более чем десяти лет полемики, взаимных упреков и даже оскорблений⁸. Так, в марте 1969 г. стороны подписали договор о торговле. На IX съезде Союза коммунистов Югославии (СКЮ) не прозвучала обычная критика в адрес китайских догматиков, а, кроме того, в Югославии заняли нейтральную позицию по вопросу советско-китайского конфликта на о. Даманский⁹. 16 апреля 1970 г., спустя 12 лет, в течение которых дипломатические отношения сторон отсутствовали, югославы направили в Пекин своего посла¹⁰, а в июне 1971 г. с визитом в Китай отправился М. Тепавац¹¹.

Таким образом, развитие сотрудничества с Белградом и всё большее вовлечение Югославии в орбиту внешнеполитической активности СССР можно назвать одной из значимых предпосылок реализации тех стратегических задач, которые ставило перед собой советское руководство.

Для того, чтобы «прощупать почву» для нормализации отношений, стороны прибегли к традиционным приемам —

переписке и дипломатическим переговорам. Достиженные результаты также по традиции были закреплены в ходе визита крупного партийно-государственного деятеля. 2–6 сентября 1969 г. в Югославии побывал А.А. Громыко¹².

В начале 1970-х годов Югославии, с одной стороны, удалось упрочить свои международные позиции. Она вернулась к политике балансирования между сверхдержавами (от которой в 1967 г. после Шестидневной войны на Ближнем Востоке фактически отказалась в пользу развития сотрудничества со странами соцлагеря) и опоре на Движение неприсоединения. Происходило улучшение отношений с Китаем и развитие сотрудничества с западноевропейскими странами по вопросам безопасности и торговли. Важнейшими событиями стали поездка американского президента Р. Никсона в Югославию (30 сентября — 2 октября 1970 г.) и ответный визит Йосипа Броза Тито в США (27 октября — 2 ноября 1971 г.), в ходе которого стороны подписали так называемую «Вашингтонскую декларацию», закрепившую основные принципы югославо-американского сотрудничества¹³. На саммите внеблоковых стран в Лусаке (6–14 сентября 1970 г.) были созданы постоянно действующие институты и выработаны алгоритмы развития их сотрудничества, важнейшим из которых стали регулярно проводимые конференции на высшем уровне. Ранее состоялось два подобных форума — в Белграде (1961 г.) и Каире (1964 г.), однако они воспринимались скорее как разовые акции, посвященные решению определенных вопросов. По оценке сербского историка Д. Богетича, начался «золотой век» Движения неприсоединения¹⁴. Таким образом, можно в определенном смысле констатировать укрепление позиции Югославии в отношениях с СССР, что позволяло ей более твердо проводить свою линию.

С другой стороны, событием, оказавшим значительное влияние на внешнюю политику Югославии и отношения с СССР, стал внутривосточный и межнациональный кризис конца 1960-х — начала 1970-х годов. Причины этого кризиса относились к разным сферам жизни югославского общества. Это и неудача экономической реформы, начавшейся в 1965 г.:

рост безработицы и внешнего долга, падение темпов роста производства. И общественное недовольство, связанное с отсутствием социальной справедливости и реальных свобод (слова, самовыражения, участия в политической жизни страны и т.д.), протест против бюрократизации и так называемой «красной буржуазии», против утративших свое истинное значение и девальвировавшихся в глазах общества партийных лозунгов. Всё это вылилось, в частности, в студенческие волнения в Белграде летом 1968 г.¹⁵ И фетишизация принципа самоуправления, повлекшая за собой рост самостоятельности югославских республик вследствие конституционных поправок 1967, 1968 и 1971 гг.¹⁶ в политической сфере.

Тенденции к децентрализации, одержавшие верх в государственном и партийном руководстве, перекликались с нарастанием национализма и обострением межэтнических противоречий внутри югославских республик. В 1968 г. активизировались косовские албанцы, требовавшие предоставления автономному краю статуса и прав республики, а самые радикальные — отделения от Югославии и объединения с Албанией. Произошли демонстрации и столкновения с полицией. Остроту ситуации иллюстрирует сообщение советского посольства о митинге албанцев в Приштине в январе 1969 г. под лозунгом: «Ваша история, наша территория»¹⁷.

Конфликт национального и югославского, отсутствие единства по вопросам, связанным с экономическим планированием, инвестициями, распределением доходов¹⁸, усугублялся исторически сложившимися диспропорциями в развитии разных регионов страны. Так, в Словении в 1969 г. разразилась дискуссия о финансировании строительства дорог (за счет республиканского или федерального бюджета). По ее итогам даже раздались призывы о выходе Словении из СФРЮ¹⁹.

Однако наиболее резонансными, массовыми и представляющими опасность для будущего федерации стали события «хорватской весны» или «маспок» (массовое движение)²⁰. В 1970—1971 гг. по всей Хорватии прокатилась волна митингов и демонстраций. Их участники выдвигали различные требования — от сохранения самобытности хорватского языка и

культуры вплоть до выделения республики из состава СФРЮ и создания независимого государства. В движении деятельное участие приняли научные и творческие объединения (Матица Хорватская, Союз писателей Хорватии), студенты Загребского университета и даже некоторые руководители Союза коммунистов Хорватии (СКХ) (М. Трипало²¹, С. Дабчевич-Кучар²²). «Маспок» достиг своей кульминации в ноябре-декабре 1971 г., когда студенты организовали в Загребе масштабную забастовку. Это вынудило руководство федерации и лично Тито вмешаться в ход событий. Был отдан приказ об аресте зачинщиков и смене руководства СКХ²³. В хорватских партийных и государственных органах произошла чистка кадров.

В отношениях с Москвой начался очередной нормализации отношений после поездки в Белград А.А. Громыко сменилось полосой стагнации. Подготовка визита в Югославию американского президента Р. Никсона и конференции неприсоединения в Лусаке воспринималась в СССР как очередное доказательство продолжения принципиального курса СФРЮ на лавирование между сверхдержавами. А это означало, что сближение с одной из них изначально лимитировано. 7 октября 1969 г. в разговоре с Г. Влаховым²⁴ в Берлине Л.И. Брежнев выразил готовность встретиться и провести переговоры с Тито. 7 декабря югославский лидер отправил ему письмо с приглашением посетить Югославию²⁵. Однако в 1970 г. визит не состоялся.

Хотя стороны, стремясь к налаживанию диалога, и условились не останавливаться на спорных вопросах²⁶, никто не отрицал существования серьезных расхождений в области политики и идеологии. Все оставались при своем мнении: одни называли события в Чехословакии в 1968 г. интервенцией и большим ущербом для дела социализма, другие — интернациональной акцией помощи «здоровым силам» в стране. Одни опасались распространения на Югославию доктрины «ограниченного суверенитета», другие возмущались: «Вы ухватились за эту формулировку, взяли ее на вооружение и пытаетесь приписать ее нам»²⁷. Периодически это «перемирие», заключенное политиками двух стран, нарушалось прессой. В Югославии выдвигали тезис о двух стадиях развития социализма:

этатистско-бюрократическом и самоуправленческом, а советские СМИ критиковали югославскую экономическую модель, систему рабочего самоуправления и ослабление роли партии в государстве, избегая лишь обвинений в ревизионизме. Кроме того, критике подвергалась и доктрина неприсоединения, которая не делала различия между социалистическими и империалистическими странами, противопоставляя лишь блоковую и внеблоковую политику²⁸. Неудивительно, что недружественные публикации в газетах и журналах стали вопросом, который поднимался на каждом советско-югославских переговорах, к вящему недовольству обеих сторон. Советские руководители призывали югославов навести порядок в своей прессе. Так, например, 16 июля 1969 г. в беседе с Д. Видичем²⁹, Л.И. Брежнев с некоторым раздражением отметил: «Печать должна служить интересам своей партии, своего класса, своего государства, а не занимать какие-то особые позиции»³⁰. Тито и другие югославские лидеры на подобные упреки обычно отвечали, что в Югославии социалистическая система свободная и демократическая, существуют свобода слова и свобода печати, поэтому не следует драматизировать появление отдельных статей и делать далекоидущие выводы³¹.

Новый югославский посол в СССР В. Мичунович³² был прохладно принят советским руководством. Достаточно сказать, что со времени своего приезда в советскую столицу в ноябре 1969 г. он регулярно запрашивал прием у Л.И. Брежнева, однако на встречу его пригласили лишь в феврале 1971 г. Сам югославский дипломат объяснял это тем, что ему не забыли хороших отношений с Н.С. Хрущевым и критических выступлений в связи с интервенцией в Чехословакию³³. Вместе с тем, Мичуновича сложно было назвать большим сторонником дружбы с Советским Союзом. Его донесения из Москвы были полны скепсиса относительно возможности развития равноправного сотрудничества двух стран. Так, в аналитическом материале, посвященном визиту в СССР М. Рибичича³⁴ (июль 1970 г.), он подчеркивал, что А.Н. Косыгин³⁵ выступал на переговорах с позиций доктрины «ограниченного суверенитета», что экономическое сотрудничество обуславливается

качеством политических отношений, и что Советский Союз выступает с позиции сильного, старшего партнера³⁶.

Отрицать тот факт, что Москва использовала экономические рычаги для давления, было бы неверно. Так, например, сомнения советского руководства в отношении своих югославских партнеров проявились в задержке подписания торгового договора на 1970 год³⁷, а на торговых переговорах в октябре 1970 г. Югославии было отказано в поставках некоторых товаров, в том числе антрацитов на 150—180 тыс. тонн ежегодно³⁸. В то же время в Белграде не разделяли пессимизма Мичуновича относительно будущего развития отношений с СССР. Учитывая специфику фигуры югославского посла и того положения, в котором он оказался, контакты развивались по другим руслам. Большую активность развил советский посол в Белграде И.А. Бенедиктов³⁹. В мае 1970 г. с визитом в Москве побывал Н. Любичич⁴⁰, в октябре в Югославию приезжала делегация Верховного Совета СССР⁴¹. О визите М. Рибичича речь шла выше. По сравнению с предыдущим годом можно было констатировать обновление межпартийных связей двух стран.

4 февраля 1971 г. Л.И. Брежнев, наконец, принял у себя В. Мичуновича и, констатировав некоторое улучшение двусторонних отношений, напомнил, что 10 лет назад начало развития советско-югославского сотрудничества было положено в результате его поездки в Югославию (в конце сентября 1962 г.). Далее советский лидер завел речь о возможности нового визита, не состоявшегося в 1970 г. Мичунович поспешил его заверить, что «прежде, чем лететь в США, Тито хотел бы встретиться с Вами». Однако Брежнев выразил сомнение в том, что сумеет выкроить время до предстоящего съезда партии⁴² (XXIV-го. — *Б. Н.*). В конце февраля во время визита в Москву М. Тепавца, этот разговор был продолжен, и Брежнев дал обещание приехать в Белград после съезда⁴³.

Это решение советского руководителя было связано не только с его желанием политически уравновесить визиты Р. Никсона в Югославию и готовящийся — Тито в США. Судя по всему, Брежнев решил снова примерить на себя роль «посредника», увидев в нараставшем экономическом и между-

циональном кризисе в СФРЮ благоприятную ситуацию для укрепления там советских позиций или даже возможность добиться долгосрочной переориентации Югославии в направлении социалистического лагеря⁴⁴. Отношениями развитых и менее развитых югославских республик, подготовкой конституционной реформы и ростом националистических тенденций в стране очень интересовался возвращающийся в Москву советский посол Бенедиктов во время своих прощальных встреч с Карделем⁴⁵ и Тито (в конце января 1971 г.)⁴⁶.

29 или 30 апреля (в разных источниках информация варьируется), во время Пленума ЦК СКЮ на Бриони, посвященного ситуации в Хорватии, Брежнев позвонил Тито и, выразив свою озабоченность сложившейся ситуацией, предложил советскую помощь «ради спасения социализма в стране». Тито твердо заверил советского генсека, что ситуация находится под контролем и еще раз пригласил его приехать и лично оценить обстановку⁴⁷. Согласно В. Мичуновичу, в Москве придавали этому такое значение, что даже собрали Политбюро, ожидая результатов Пленума СКЮ и телефонного разговора⁴⁸.

Советский генсек рассказал югославскому послу о том, что он проинформировал о звонке на Бриони товарищей из Политбюро, во время их встречи 10 августа 1971 г. Правда, он ни словом не обмолвился, что это было основной целью заседания. Также Брежнев еще раз высказался по вопросу о межнациональных отношениях в Югославии: «Споры между республиками — это страшная и опасная вещь [...]. Путь, по которому вы идете, — ваше собственное дело. Но, видимо, есть какие-то пороки». Судя по всему, он имел в виду безработицу, экономическую эмиграцию и отсутствие государственной монополии на внешнюю торговлю. Также Брежнев выразил пожелание, чтобы Югославия участвовала в консультативных совещаниях коммунистических партий, напомнив, как позитивно это было воспринято в 1967 г. в связи с кризисом на Ближнем Востоке: «всё сразу изменилось, никто не вспоминал про "ревизионистскую" политику»⁴⁹.

Очевидно, что создавшуюся в Югославии ситуацию Москва пыталась использовать для укрепления своей позиции. Но и Белград воспользовался советским давлением. 4 июля на за-

седании ЦК СК Хорватии Тито выступил с призывом к единству, подчеркнув, что страна подвергается реальной опасности со стороны СССР. В доказательство он привел уже упоминавшийся звонок Брежнева на Бриони⁵⁰. Югославам не давалось формальных гарантий того, что СФРЮ не рассматривается как часть «социалистического содружества» и, соответственно, что на нее не распространяется доктрина «ограниченного суверенитета». Поэтому предложение Брежнева «оказать помощь» югославским партии и правительству провоцировало параллели с интервенцией стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. Советская угроза, безотносительно того, насколько она была в тот момент реальна, стала серьезным аргументом Тито в его борьбе за единство в СКЮ, против «хорватских националистов» (в 1971 г.), «сербских либералов» и «словенских технократов» (в 1972 г.)⁵¹.

Межнациональный кризис в Югославии еще больше актуализировал вопрос о будущем федерации после смерти Тито. Сценарий распада единого государства признавался вполне реальным. При таком развитии событий США декларировали свой интерес к Хорватии⁵² и Словении; ходили слухи о молчаливом соглашении сверхдержав, по которому американцы инвестировали в западные югославские республики, а Советский Союз — в восточные⁵³.

С 22 по 25 сентября 1971 г. Л.И. Брежнев находился с визитом в Югославии. Целью поездки советского генсека, по его собственному признанию, было «убрать то, что осложняет наши отношения»⁵⁴. 22 сентября в своем тосте на приеме в Белграде он заявил, что «есть различные силы, которые не прочь помешать такому развитию событий, стремятся раздуть любые расхождения, силятся тем или иным способом вбить клин между нами»⁵⁵. Так в очередной раз проявилась тенденция искать разные группы и «антисоциалистические силы» на некоторых «ответственных позициях» в югославском руководстве⁵⁶.

Среди спорных вопросов Брежнев традиционно назвал публикации в югославской прессе. Вольно процитировав В.И. Ленина — «Печать — оружие Партии, а не оружие репортеров»⁵⁷ (вторую часть фразы Л.И. Брежнев, судя по всему, добавил

от себя. — *Б. Н.*), он призвал югославам распоряжаться этим оружием как собственным пистолетом. По мнению советского генсека, важная причина ухудшения отношений двух стран «относится к сфере идеологии, это связано с печатью, пропагандой, целым рядом других факторов, с помощью которых проще всего влиять на умы рабочих, служащих, на общественное мнение, мнение трудящихся Югославии»⁵⁸. Брежнев отверг упрек, связанный с поддержкой активности югославской «информбюровской» эмиграции в СССР, содержащийся, в частности, в письме Тито от 31 июля 1971 г.⁵⁹: «Мы с ними никаких связей не имеем. Может и встречаются, ходят друг к другу на день рождения. Черт их знает»⁶⁰. Особенно эмоционален советский руководитель был тогда, когда на совместных переговорах, а также во время их встречи с Тито тет-а-тет, речь заходила о том, что в Югославии растет чувство страха в связи с возможным вторжением в страну советских войск. Брежнев бил кулаком по столу и чуть ли не со слезами на глазах утверждал, что скорее пожертвует своей семьей, собой, всем, что ему дорого, чем допустит, чтобы подобное произошло⁶¹.

По мнению югославских аналитиков, советская сторона, учитывая события «хорватской весны», судя по всему, ожидала большей склонности своих партнеров к компромиссам и уступкам⁶². Так, например, Брежнев безрезультатно предлагал создать советско-югославское общество дружбы, указывая, что есть 50 стран, с которыми подобные общества уже существуют⁶³.

Тяжело продвигались переговоры по проекту итогового коммюнике⁶⁴. За основу было решено взять советский текст, в который югославы внесли изменения. Это вызвало большое недовольство. 23 сентября Брежнев не успел позавтракать, так как читал поправки, и пришел на переговоры в плохом расположении духа. Югославская сторона отказывалась вносить в коммюнике положения о координации и согласованности действий во внешней политике и о сплоченности социалистических стран⁶⁵. Итогом стал компромиссный документ, в котором давались ссылки как на принцип пролетарского интернационализма, так и на Белградскую (1955 г.) и Московскую (1956 г.) декларации, а также на совместное советско-югославское заявление

(1965 г.), подчеркивавшие уважение суверенитета, целостности, независимости и равноправия между двумя государствами; следование принципу невмешательства во внутренние дела; признание различных форм общественного развития и разных форм строительства социализма⁶⁶.

Итоги поездки, которую сам Брежнев рассматривал в качестве визита примирения (хотя обе стороны и подчеркивали, что никакого конфликта нет, а есть «искусственные наслоения» как результат деятельности неназываемых «противников развития советско-югославской дружбы»)⁶⁷, можно признать удачными. В Югославии были довольны ссылками на Белградскую и Московскую декларации в итоговом коммюнике и эмоциональными заверениями советского руководителя о том, что никакая опасность стране не грозит. Доказательством того, что и в СССР удовлетворены результатами переговоров был прогресс сотрудничества в области экономики. 2–10 декабря 1971 г. в Югославии находился заместитель председателя правительства СССР Н.К. Байбаков⁶⁸. Целью визита было, по его словам, «внести свой вклад в недавние переговоры Тито с Брежневым»⁶⁹. Результатом стало подписание соглашения о дополнительных поставках в Югославию советских товаров на сумму 580 млн долларов на период с 1972 по 1975 г.⁷⁰ В итоге, если советско-югославский товарооборот за 1972 год составлял приблизительно 434 млн долларов, то в 1973 г. он превысил сумму в 700 млн долларов⁷¹.

Политика лавирования между сверхдержавами предполагала, что вслед за визитом в США и в качестве ответного жеста на поездку в Белград Л.И. Брежнева югославский президент должен побывать в СССР, куда он приезжал последний раз еще в 1968 г., до конфликта. Улучшение советско-югославских отношений и общая атмосфера разрядки международной напряженности создавали для этого самые благоприятные условия. Поэтому с 5 по 10 июня 1972 г. состоялся официальный визит Тито в советскую столицу.

Югославской делегации, в составе которой прибыла и жена Тито Йованка Броз, был оказан очень теплый прием. Советская служба протокола организовала всё на самом высоком уровне, советские СМИ освещали визит максимально широко.

Стороны провели две пленарные встречи (6 и 9 июня), а также ряд переговоров в двустороннем формате (Й. Броз Тито — Л.И. Брежнев, М. Тепавац — А.А. Громыко, Я. Сироткович⁷² — Н.К. Байбаков)⁷³. 5 июня в торжественной обстановке в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца Тито был вручен орден Ленина. 7—8 июня члены делегации отправились в Ригу, а 9 июня, по возвращении из Прибалтики, побывали на Шарикоподшипниковом заводе, где состоялся митинг советско-югославской дружбы⁷⁴.

На переговорах первое слово на правах хозяина взял Л.И. Брежнев. Начав с вопросов претворения в жизнь решений XXIV съезда КПСС, он кратко рассказал об успехах советской экономики и быстро перешел ко внешнеполитической проблематике, обозначив два основных направления деятельности партии. Первым он традиционно назвал укрепление дружбы, развитие сотрудничества, упрочение единства и развитие братских отношений с социалистическими странами. Второе направление — борьба за мир и мирное сосуществование — было частью советской политики разрядки международной напряженности, закрепленной на прошедшем съезде. В этой связи Брежнев особо остановился на подписании договоров о границах между СССР, Польшей и ФРГ; визите в Москву американского президента Р. Никсона, состоявшемся за несколько дней до приезда Тито, и налаживании отношений с Францией⁷⁵. Переговоры с югославами, таким образом, укладывались в общий контекст активизации советской внешней политики в русле разрядки международной напряженности.

Обратившись к двусторонним отношениям, Брежнев заметил, что «они улучшились и сейчас являются хорошими». В этой связи он особо подчеркнул значение своего визита в Белград осенью 1971 г., вспомнил, что целью переговоров было выяснить, «что мешает нашей дружбе», и тут же дал ответ на свой риторический вопрос — югославская пресса и ее утверждения о том, что «Советский Союз собирается якобы напасть на Югославию». «Такие наговоры можно терпеть, но не беспредельно, — предупредил Брежнев — Нельзя никому позволять разрушать нашу дружбу»⁷⁶.

Но и на этот раз советский генсек не дал разгореться дискуссии и заверил, что на переговорах не планируется поднимать спорных вопросов. Встреча была призвана «способствовать дальнейшему развитию и укреплению сотрудничества наших партий и стран». Впрочем, 9 июня он не выдержал и все-таки вернулся к статьям в югославской печати о Коминформе и публикациям там сочинений Л.Д. Троцкого⁷⁷.

Еще одной темой, постоянно всплывающей на переговорах сторон, были предложения Москвы создать общество советско-югославской дружбы, регулярно отклоняемые Белградом, для которого еще со времен конфликта 1948 г. подобные органы были символом подчинения и ограничения национального суверенитета. На этот раз югославам было предложено провести неделю советско-югославской дружбы, но и на это предложение они ответили отказом⁷⁸.

В условиях подготовки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе* важнейшим направлением сотрудничества было внешнеполитическое, а здесь стороны традиционно сходились в своих оценках. Так, в ходе переговоров Тито подтвердил, что по внешней политике (Вьетнам, Ближний Восток, СБСЕ) «у нас нет расхождений с Советским Союзом». Обе стороны высказались за проведение более частых встреч и консультаций. Югославы пояснили такую позицию необходимостью «откровенно обсуждать все вопросы и не доводить дело до такого положения, когда через каждые два-три года нам приходится разговаривать в тоне, весьма далеком от нормального». Советская сторона имела в виду в большей степени координацию действий во внешней политике и предлагала включить в итоговое коммюнике положение о «борьбе за единство и сплоченность мирового коммунистического движения»⁷⁹. Это предложение было отклонено, что Брежнев воспринял спокой-

* Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) — конференция представителей европейских государств, США и Канады, посвященная вопросам укрепления европейской безопасности, развития сотрудничества и соблюдения прав человека. Совещание состоялось в 1973–1975 гг., в дальнейшем прошло несколько встреч представителей стран-участниц СБСЕ. В 1994 г. на встрече в Будапеште было принято решение о переименовании СБСЕ в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

но: в Москве не хотели переходить ту грань, которая могла бы помешать успеху визита.

Не мог Тито обойти вниманием и национальный вопрос. Он рассказал, что «в процессе проводимой в Югославии децентрализации некоторые думали децентрализовать и партию». «Пришлось крепко заняться этим делом», — продолжил югославский лидер. «Изгнали из партии националистов, наиболее отъявленных из них арестовали, некоторых будем судить». Важнейшей задачей Тито было убедить своих собеседников в том, что он полностью контролирует ситуацию, и не существует никакой угрозы ухудшения обстановки. Поэтому, всё же признав, что «запах национализма еще сохраняется», он подытожил: «Мы постепенно, без драматизации наводим порядок»⁸⁰.

Результаты визита аналитики югославского секретариата иностранных дел называли «очень успешными», отметив «значительно большую гибкость советской стороны и большую готовность принять реальные различия во внешней и внутренней политике двух стран». Точку зрения советского руководства выразил Л.И. Брежнев, под занавес переговоров шутливо заметив: «Тот факт, что перед нами сейчас нет больших папок бумаг, говорит о том, что дела в наших переговорах идут хорошо»⁸¹.

Примечания

¹ Arhiv Jugoslavije. Kabinet Predsednika Republike. F. 837. I-3-a/101–108. Prijem ambasadora A.I. Benediktova 30.8.1968. // Zabeleška o prijemu sovjetskog ambasadora kod Predsednika Tita.

² См.: Ibidem; Ibid. Odgovor vlade SFRJ i CK SKJ na Izjavu CK KPSS i vlade KPSS od 30.8.1968.

³ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.: в 2 т. Т. 2: 1964–1980. М., 2017. С. 342.

⁴ Улуянн Ар.А. «Послепражский 1969-й»: Советские дипломатия и разведка в поисках союзников и противников на Балканах и в Европейском Средиземноморье. М., 2016. С. 117–118.

⁵ *Bogetić D.* Jugoslavija između Istoka i Zapada // Jugoslavija u hladnom ratu: prilozi istraživanjima. Zbornik radova. Beograd, 2010. S. 29.

⁶ Название «Программа мира» является условным обозначением предложений по вопросам внешней политики и международного сотрудничества, прозвучавших в «Отчетном докладе ЦК КПСС» и в принятой по его итогам резолюции // См.: XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза 30 марта — 9 апреля 1971 г. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. М., 1971. С. 28–55; там же. Т. 2. С. 219–242.

⁷ Улуянн Ар.А. «Послепражский 1969-й». С. 116, 135.

⁸ Подробнее см.: *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2015. С. 34–35; 132–134.

⁹ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 61. Д. 338. Л. 162. Обстановка в Югославии на 01.07.1969 г.

¹⁰ Foreign Relations of the United States. 1969–1975. Volume XXIX. Eastern Europe. Eastern Mediterranean, 1969–1972. Yugoslavia. Document 232. Memorandum for the President's File. October, 28. 1971. Доступно по адресу: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v29/d232> (дата обращения: 23.09.2017).

¹¹ Мирко Тепавац (1922–2014) — югославский общественно-политический деятель, дипломат; секретарь по иностранным делам СФРЮ (1969–1972 гг.).

¹² Андрей Андреевич Громыко (1909–1989) — советский дипломат и государственный деятель; министр иностранных дел СССР (1957–1985 гг.); председатель Президиума Верховного Совета СССР (1985–1988 гг.).

¹³ Подробнее см.: *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971. Beograd, 2012. S. 321–336.

¹⁴ *Bogetić D.* Jugoslavija između Istoka i Zapada. S. 32.

¹⁵ Подробнее см.: *Kanzlejter B., Stojaković K.* «1968» u Jugoslaviji — Studentski protest između Istoka i Zapada // 1968 — četrdeset godina posle. Zbornik radova. Beograd, 2008. S. 453–480; *Mitrović M.* Studentske demonstracije u Beogradu 1968. godine // *Ibid.* S. 481–492.

¹⁶ *Гуськова Е.Ю.* Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 713–714.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 348. Л. 44. Запись беседы с III секретарем советской референтуры ГСИС СФРЮ Б. Миличем. 22.01.1969.

¹⁸ *Đimić Lj.* Godina 1968 — ishodište nove jugoslovenske spoljnopolitičke orijentacije // 1968 — četrdeset godina posle. S. 342.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 348. Л. 243. О межреспубликанских и международных отношениях в Югославии на нынешнем этапе осуществления экономической и общественной реформы.

²⁰ Подробнее см.: *Руднева И.В.* Хорватское национальное движение: конец 1960-х — начало 1970-х гг. М., 2014.

²¹ Мико Трипало (1926–1995) — югославский и хорватский политический и общественный деятель; секретарь ЦК СКХ (1962–1969 гг.); с 1969 г. — член Президиума ЦК СКХ.

²² Савка Дабчевич-Кучар (1923–2009) — хорватский политический деятель; председатель Исполнительного вече Хорватии (1967–1971 гг.) и первый секретарь СКХ (1969–1971 гг.).

²³ *Пивоваренко А.А.* Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX — начало XXI века. М., 2018. С. 49–51.

²⁴ Густав Влахов (1912–1991) — общественно-политический деятель, дипломат. В то время заместитель председателя Союзной Скупщины Югославии.

²⁵ *Jugoslavija–SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou rukovodilaca Jugoslavije i SSSR.* 1965–1980. T. 2. Beograd, 2016. S. 401.

²⁶ См., напр., *Ibid.* S. 367.

²⁷ *Ibid.* S. 363.

²⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 338. Л. 162. Обстановка в Югославии на 1.07.1969 г.

²⁹ Добривоє Видич (1918–1992) — югославский политический деятель, дипломат; посол Югославии в СССР (1953–1956 и 1965–1969 гг.); в Бирме (1952–1953 гг.); в Великобритании (1970–1973 гг.). Постоянный представитель Югославии в ООН (1958–1960 гг.); член Исполнительного комитета Президиума ЦК СКЮ (1982–1986 гг.).

³⁰ Jugoslavija—SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 362.

³¹ Ibid. S. 370.

³² Велько Мичунович (1916–1982) — югославский дипломат и политический деятель; помощник министра иностранных дел ФНРЮ (1952–1956 гг.); посол в СССР (1956–1958 и 1969–1971 гг.); заместитель союзного секретаря иностранных дел (1958–1962 гг.); посол в США (1962–1967 гг.); председатель Комиссии внешней политики Союзной Скупщины СФРЮ (1967–1969 гг.).

³³ *Mičunović V.* Moskovske godine. 1969/1971. Beograd, 1984. S. 65–70.

³⁴ Митя Рибичич (1919–2013) — югославский и словенский политический деятель; председатель Союзного исполнительного вече Югославии (1969–1971 гг.); председатель Президиума ЦК СКЮ (1982–1983 гг.).

³⁵ Алексей Николаевич Косыгин (1904–1980) — советский государственный и партийный деятель; член Президиума, Политбюро ЦК КПСС (1960–1980 гг.); председатель Совета министров СССР (1964–1980 гг.).

³⁶ АЈ. КРР. I-5-b/99–23. Ocene o poseti predsednika SIV-a Mitje Ribičiča SSSR-u. 06.07.1970.

³⁷ *Tripković Đ.* Jugoslavija—SSSR. 1956–1971. Beograd, 2012. S. 269.

³⁸ Jugoslavija—SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 415–416.

³⁹ Иван Александрович Бенедиктов (1902–1983) — советский государственный деятель, дипломат; с 1938 по 1957 гг. осуществлял руководство сельским хозяйством СССР; посол в Индии (1953 и 1959–1967 гг.); посол в Югославии (1967–1971 гг.).

⁴⁰ Никола Любичич (1916–2005) — югославский политический деятель, генерал армии ЮНА; союзный секретарь Народной Обороны (1967–1982 гг.); председатель Президиума Союзной республики Сербии (1982–1984 гг.).

⁴¹ *Tripković Đ.* Jugoslavija—SSSR. S. 272.

⁴² Jugoslavija—SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 409–414. Югославскую делегацию на съезде возглавил член Исполнительного бюро Президиума СКЮ М. Тодорович.

⁴³ Ibid. S. 426. В конечном итоге, визит Тито в США прошел с 27 октября по 2 ноября 1972 г., то есть уже после переговоров в Белграде с Брежневым.

⁴⁴ Подобной точки зрения придерживались югославские аналитики, назвавшие кризис в Югославии «историческим шансом» для СССР // См.: АЈ. КРР. I-5-b/99–26. Informacija o jugoslovensko-sovjetskim odnosima sa osvrtom na neka aktuelna pitanja politike KPSS u međunarodnom radničkom pokretu.

⁴⁵ Эдвард Кардель (1910–1979) — югославский общественно-политический деятель словенского происхождения; министр иностранных дел ФНРЮ (1948–1953 гг.); заместитель председателя правительства Югославии (1946–1963 гг.); председатель Союзной Скупщины Югославии (1963–1967 гг.); член Президиума Югославии (1974–1979 гг.).

⁴⁶ *Tripković Đ.* Jugoslavija—SSSR. S. 274–275.

⁴⁷ *Романенко С.А.* «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х годов // *Славяноведение*. 2008. № 3. С. 69.

⁴⁸ *Mičunović V.* Moskovske godine. 1969/1971. S. 140.

⁴⁹ Jugoslavija—SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 436–438.

⁵⁰ FRUS. 1969–1976. Volume XXIX. Eastern Europe. Eastern Mediterranean. 1969–1972. Jugoslavija. Document 229. Intelligence Information Cable. 2 august. 1971. Доступно по адресу: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v26/d310> (дата обращения: 15.08.2017); *Tripković Đ.* Jugoslavija—SSSR. S. 272.

⁵¹ Подробнее см.: *Гуськова Е.Ю.* Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций. С. 720–730.

- 52 Так, во время визита Р. Никсона в Югославию в 1970 г. американский президент настоял на своей поездке в Загреб. Выступая перед жителями города, он произнес по-сербо-хорватски: «Да здравствует Хорватия!» // *Pavlović V. Ideološki koreni Titove spoljne politike. Jugoslavija kao deo sovjetske interesne sfere // Dva veka moderne srpske diplomatije.* Beograd, 2013. S. 261.
- 53 *Bogetić D. Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971.* S. 306.
- 54 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 352.
- 55 Jugoslavija–SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 448.
- 56 См.: *Ibid.* S. 398–399.
- 57 Судя по всему, имелась в виду статья В.И. Ленина «С чего начать», опубликованная в мае 1901 г. в газете «Искра» № 4.
- 58 Jugoslavija–SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 456.
- 59 *Ibid.* S. 430.
- 60 *Ibid.* S. 454.
- 61 *Tripković Đ. Jugoslavija–SSSR.* S. 282.
- 62 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 357.
- 63 Jugoslavija–SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou. S. 458.
- 64 См.: Правда. 26 сентября 1971 г.
- 65 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 333–334, 356.
- 66 См.: АЖ. СК СКЈ. 507/IX. 119/І–56. Deklaracija vlada SSSR i FNRJ.
- 67 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 352.
- 68 Николай Константинович Байбаков (1911–2008) — советский государственный деятель; заместитель председателя Совета министров СССР; председатель Госплана СССР (1965–1985 гг.).
- 69 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 369.
- 70 Там же. С. 377.
- 71 *Tripković Đ. Jugoslavija–SSSR.* S. 288.
- 72 Яков Сироткович (1922–2002) — югославский государственный деятель; в тот период — заместитель председателя Союзного исполнительного вече СФРЮ (1970–1974 гг.).
- 73 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 403.
- 74 РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 929. Л. 86–91. Программа официального визита в СССР Президента СФРЮ, Председателя СКЮ И. Тито с супругой 5–10 июня 1972 г.
- 75 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 388–389.
- 76 Там же. С. 390.
- 77 Там же. С. 390, 400.
- 78 Там же. С. 406.
- 79 Там же. С. 395, 406.
- 80 Там же. С. 394.
- 81 Там же. С. 401, 414–415.